

Спасибо, что скачали книгу на сайте swan-swan.ru/knigi

Мы предлагаем для скачивания книги, которые признаны общественным достоянием и не нарушают авторские права.

Приятного чтения!

С уважением, коллектив swan-swan.ru

РЕЙЧЕЛ ЛИППИНКОТТ
МИККИ ДОТРН
ТОБИАС ИАКОНИС
В МЕТРЕ ДРУГ ОТ ДРУГА

Для Эллисон
— *Р. Л.*

Мы посвящаем эту книгу и фильм всем пациентам, членам семей, медицинским работникам и любимым, которые каждый день отважно сражаются с кистозным фиброзом. Мы надеемся, что история Стеллы и Уилла поможет привлечь внимание к этой болезни и найти лекарство от нее.

— *М. Д. и Т. И.*

ГЛАВА 1 СТЕЛЛА

На рисунке моей сестры — легкие, состоящие из моря цветов. Я веду пальцем по контуру. Лепестки вырываются за кромки двух одинаковых овалов нежно-розовыми, насыщенно-белыми и даже вересково-синими кончиками, но каждый из них по-своему уникален, в каждом ощущается вибрация, пульс вечного цветения. Не все бутоны раскрылись, и я чувствую в них обещание жизни, только и ждущей прикосновения моего пальца, чтобы явить себя. Вот они — мои любимцы.

Я часто — даже слишком часто — задаюсь вопросом, а каково было бы иметь такие здоровые легкие. Такие живые. Делаю глубокий вдох и чувствую, как воздух, преодолевая сопротивление, пробивается в грудь и из груди.

Рука соскальзывает с последнего лепестка последнего цветка и опускается, пальцы тянутся по звездному фону, касаясь ярких пятнышек, нарисованных Эбби в попытке запечатлеть бесконечность.

Я откашливаюсь, убираю руку и, наклонившись, тянусь с кровати за нашей фотографией. Из-под толстых шерстяных шарфов выглядывают одинаковые улыбки, и над нашими головами, как на ее рисунке, мигают праздничные огоньки в парке.

В этом было что-то волшебное. Мягкое сияние уличных фонарей, белый снег, цепляющийся за ветки деревьев, тихая неподвижность всего вокруг. Тогда, в прошлом году, мы чуть не отморозили задницы, но такая уж у нас с Эбби традиция. Наперекор холоду ходить вместе в парк и смотреть праздничную иллюминацию.

Каждый раз, когда смотрю на эту фотографию, вспоминаю то чувство. Ощущение близкого приключения, в котором мир ждет нас, только нас двоих, как раскрытая книга.

Беру кнопку, вешаю фотографию рядом с рисунком, а потом сажусь на кровать, достаю из кармана блокнот и беру с прикроватной тумбочки карандаш. Глаза бегут по длинному списку намеченных на сегодня дел. Я составила его утром, и первым пунктом в нем идет *«составить список дел»*. Твердая, горделивая линия его вычеркивает — выполнено. Последний пункт, под номером 22, гласит: *«поработать о жизни после смерти»*.

Пункт 22 был, возможно, чуточку амбициозен для пятничного вечера, но, по крайней мере, теперь я могу вычеркнуть пункт 17 — *«украсить комнату»*. Оглядываю еще недавно голые стены. Едва ли не все утро я превращала эту палату снова в мою, и теперь она украшена творениями Эбби, собранными за несколько последних лет, частичками цвета и жизни на холодных белых стенах.

Вот я — в руке катетер от капельницы, и флакон едва не лопаается от бабочек самых разных форм, расцветок и размеров. Вот я — в носу канюля, длинная трубка от которой свилась так, что напоминает знак бесконечности. Вот я и небулайзер, пар из которого образует облачный ореол. А вот самый изящный рисунок из всего собрания — поблекшее торнадо звезд, которое Эбби нарисовала, когда я попала сюда в первый раз. Он не такой безукоризненный, как более поздние ее работы, но почему-то нравится мне больше.

И под всем этим буйством красок — коллекция моего медицинского оборудования, расположившаяся рядом с жутким больничным креслом из зеленого кожзаменителя, стандартным для каждой палаты здесь, в Сейнт-Грейсиз. Я с опаской поглядываю на стойку капельницы — до начала первого из многих приема антибиотиков остается час и девять минут. Везет же мне.

— Вот она! — слышится голос в коридоре. Поворачиваюсь. Дверь медленно приоткрывается, и в щелочке появляются два знакомых лица. За последние десять лет Камила и Миа побывали у меня здесь миллион раз, но до сих пор не могут добраться из вестибюля до моей комнаты, не обратившись за помощью к каждому встречному.

— Ошиблись дверью! — говорю я с улыбкой, видя, как светлеют их встревоженные лица.

Миа смеется и толкает дверь:

— Сказать по правде, могли бы. Это же лабиринт какой-то.

— Радуетесь? — Я вскакиваю и раскрываю объятия.

Камила отстраняется, смотрит на меня, надув губы, и темно-каштановые волосы падают ей на лицо.

— Уже вторая подряд поездка без тебя.

Так и есть. Не в первый уже раз кистозный фиброз [Кистозный фиброз — наследственное заболевание (передается генетически), вызывающее нарушение работы слизистой и потовой желез. При этом слизь становится очень густой и вязкой и потому легко скапливается в легких и кишечнике. Со временем это наносит необратимый ущерб органам.] лишает меня возможности отправиться с классом в поездку, присутствовать на школьном мероприятии или ждать солнечных каникул. Примерно семьдесят процентов времени у меня все нормально. Я хожу в школу, гуляю с Камиллой и Мией, работаю над приложением. При этом мои легкие функционируют очень слабо. Но оставшиеся тридцать процентов моей жизни контролирует кистозный фиброз. А это означает, что, возвращаясь по необходимости в больницу для «настройки», я пропускаю такие

вещи, как поход с классом в художественный музей или как сейчас — поездку в Кабо.

В этот раз главная цель «настройки» — накачать меня антибиотиками и избавиться наконец от ангины и высокой температуры, которые никак не проходят.

Миа плюхается на кровать, вытягивается и демонстративно вздыхает:

— Всего-то две недели. Ты точно не можешь поехать? Это же наша последняя общая поездка. Ну же, Стелла!

— Точно не могу, — твердо говорю я, и они знают, что это серьезно. Мы дружим со средней школы, и им уже хорошо известно, что, когда речь заходит о моих планах, последнее слово всегда остается за кистозным фиброзом.

И дело не в том, что я не хочу поехать, а в том, что это вопрос жизни и смерти буквально. Я не могу поехать в Кабо или, если уж на то пошло, куда-либо еще, потому что всегда есть риск не вернуться. Поступить так с родителями для меня невозможно. По крайней мере сейчас.

— Ты же была в этом году главой планового комитета! Неужели нельзя сделать так, чтобы курс лечения перенесли на другое время? Мы не хотим, чтобы ты застряла здесь. — Камила обводит широким жестом так заботливо украшенную мной палату.

Я качаю головой:

— Мы еще проведем вместе весенние каникулы. И я не пропустила ни одного весеннего уик-энда лучших подруг с восьмого класса, когда слегла с простудой! — Я улыбаюсь и с надеждой перевожу взгляд с Камилы на Мию и обратно. Ни одна, ни другая не улыбаются в ответ, но смотрят на меня так, словно я убила их домашних любимцев.

Замечаю, что обе держат сумки с купальными костюмами, которые я просила их принести, и, пытаясь сменить тему разговора, выхватываю сумку из рук Камилы.

— О, купальники! Надо выбрать лучшие! — Раз уж не суждено нежиться под теплым солнышком Кабо в своем любимом купальнике, то почему бы не порадовать себя выбором купальных костюмов для подруг.

Девочки тут же оживляются. Мы радостно вытряхиваем содержимое сумок на мою кровать, и там вырастает пестрый холмик разноцветных тряпочек — цветастых, в горошек, переливающихся.

Зорким глазом просматриваю горку Камилы и вытаскиваю что-то красное, затерявшееся между трусиками от бикини и слитным купальником, наверняка перешедшим моей подруге от ее старшей сестры, Меган.

Бросаю его ей:

— Вот это. Очень тебе идет.

Она делает большие глаза, подносит купальник к талии и в полном замешательстве поправляет очки в тонкой оправе.

— Конечно, линии загара будут смотреться просто восхитительно, но...

— Камила... — Я подхватываю полосатое, белое с голубым, бикини, которое — это видно с первого взгляда — будет сидеть на ней идеально. — Это шутка. Вот то, что тебе нужно.

Она облегченно вздыхает и забирает у меня бикини. Я же переключаю внимание на горку Мии. Моя подруга обосновалась в зеленом кресле в углу и с застывшей на лице улыбкой ведет активную переписку.

Выуживаю слитный спортивный купальник, знакомый мне с шестого класса, когда Миа занималась плаванием, поднимаю его и с ухмылкой обращаюсь к подруге:

— Как этот?

— Обожаю! Прелесть! — отвечает Миа, не отрываясь от телефона и продолжая печатать с бешеной скоростью.

Камила усмехается, засовывает купальники в сумку и лукаво мне подмигивает.

— Мейсон и Брук разошлись, — объясняет она.

— О, боже, быть не может, — удивляюсь я. Вот это новость. Просто потрясающее известие.

Да, только не для Брук. Но Миа втюрилась в Мейсона еще в десятом классе, на курсе английского у миссис Уилсон, так что эта поездка — ее последний шанс сделать наконец решающий шаг.

С опозданием соображаю, что меня-то там не будет и помочь ей с осуществлением ударного многоступенчатого плана «Бурный роман в Кабо» я не смогу.

Миа убирает телефон и с напускным равнодушием пожимает плечами. Потом поднимается и делает вид, что рассматривает рисунок на стене.

— Пустяки! Завтра утром мы встречаемся с ним и Тейлором в аэропорту.

Я бросаю на нее многозначительный взгляд, и по ее лицу разливается широкая улыбка.

— Ладно, может, и не пустяки.

Мы все пищим от восторга, и я поднимаю расчудесный, супервинтажный купальник в горошек — ровно то, что ей надо. Миа кивает, берет его у меня и прикладывает к себе.

— Я так надеялась, что ты именно его выберешь.

Оборачиваюсь и вижу, что Камила нервно посматривает на часы. Ничего удивительного. Она всегда откладывает все до самой последней минуты, прямо-таки чемпион по части прокрастинации, и, вполне вероятно, еще ничего для поездки не приготовила. Кроме, конечно, бикини.

Камила замечает мой взгляд и застенчиво улыбается:

— Мне еще нужно купить до завтра пляжное полотенце.

Классическая Камила.

Я встаю. Сердце сжимается при мысли, что они уезжают, но и задерживать их я не хочу.

— Вам, девочки, пора идти. Самолет завтра рано-рано, проснуться не успеете.

Миа грустно оглядывает комнату, Камила уныло крутит в руках свою сумку с купальниками. Из-за них все получается даже труднее, чем я ожидала. Сделав над собой усилие, сглатываю нарастающее чувство вины и раздражение. Это же не они пропускают поездку в Кабо. По крайней мере будут вместе.

Улыбаюсь обеим и только что не тащу их к двери. С позитивом у меня перебор, даже щеки горят, но расклеиваться в их присутствии никак нельзя.

— Пришлем тебе кучу фоток, ладно? — говорит, обнимая меня, Камила.

— Обязательно! И меня прифотошопьте куда-нибудь, — обращаюсь я к Миа, которая с этой программой творит чудеса. — Вы меня даже спохватиться не успеете!

Они мнутя у двери, и я театрально закатываю глаза и шутовски выталкиваю их в коридор.

— Убирайтесь отсюда. Идите и готовьтесь к поездке.

— Люблю тебя, Стелла! — говорят они в один голос и идут по коридору.

Я смотрю им вслед, машу, пока подпрыгивающие кудряшки Миа не исчезают из виду, и внезапно ловлю себя на том, что больше всего на свете хотела бы уйти с ними и паковать чемоданы.

Улыбка блекнет, как только я закрываю дверь и вижу старую семейную фотографию, аккуратно приколотую к ее внутренней стороне. Снимок сделан несколько лет назад, в День независимости, на веранде нашего дома. На нем мы вчетвером — я, Эбби, мама и папа — замерли перед камерой с глуповатыми улыбками.

Я слышу постанывание стертых шатких досок, скрип ступенек под ногами и наш смех, когда мы все сбиваемся в кучку перед фотоаппаратом, и чувствую тоску по дому. Как же мне не хватает этого чувства — мы вместе, мы здоровы и счастливы. По большей части.

Не помогает. Я вздыхаю, возвращаюсь к кровати и смотрю на медицинскую тележку.

Сказать по правде, мне здесь нравится. С шести лет эта палата была моим вторым домом, так что обычно я даже не против приезжать сюда. Здесь я прохожу курс лечения, принимаю лекарства, поддерживаю вес тела за счет молочных коктейлей, встречаюсь с Барб и Джули и ухожу до следующего обострения. Все просто. Но в этот раз есть какое-то волнение, даже беспокойство. Я не просто хочу выздороветь — мне это необходимо. Ради родителей.

Потому что они все запутали и испортили, когда развелись. И, потеряв друг друга, они не выдержат, если потеряют еще и меня. Я это знаю.

Если бы только я смогла поправиться, то, может быть...

Не надо спешить. Всему свое время. Я направляюсь к кислородному аппарату, встроенному в стену, проверяю, правильно ли установлен расходомер, и слушаю ровное шипение поступающего кислорода. Потом подтягиваю трубку и вставляю в ноздри канюлю. Снова вздыхаю, опускаюсь на уже знакомый, неудобный больничный матрас и делаю глубокий вдох.

Достаю из кармана блокнот, читаю следующий пункт в списке намеченных дел: 18 «записать видео».

Беру карандаш и задумчиво кусаю его, глядя на предыдущую запись. Как ни странно, размышлять о жизни после смерти сейчас почему-то легче. Но список есть список, и я тянусь к тумбочке, на которой лежит мой ноутбук, и сажусь, поджав ноги, на новое цветочное одеяло, купленное вчера в «Таргете» в то самое время, когда Камила и Миа покупали вещи для поездки. Вообще-то я вполне могла обойтись и без нового одеяла, но они так хотели помочь мне выбрать что-то для больницы, что я просто не могла обидеть их отказом. По крайней мере, оно неплохо сочетается со стенами, яркими, красочными, ожившими.

Пока ноутбук загружается, тревожно постукиваю пальцами по клавиатуре и всматриваюсь в экран.

Длинные каштановые волосы спутались, и я стараюсь расчесать их, пользуясь вместо щетки пальцами. Получается плохо, и я стаскиваю с запястья резинку и собираю неряшливые пряди в небрежный пучок. Не совсем то, что хотелось бы для видео, но лучше уж так. Потом беру с тумбочки «Руководство по Java-программированию» и ставлю на него ноутбук, чтобы не выглядеть на экране слишком уж серьезной. Подключившись к своему аккаунту на Ютьюбе, поправляю веб-камеру так, чтобы она обязательно захватывала рисунок с легкими прямо за моей спиной.

Лучшего фона не придумать.

Закрываю глаза, делаю глубокий вдох и слышу знакомый хрип — это легкие отчаянно стараются втянуть воздух через море слизи. На медленном выдохе наклеиваю на лицо безмятежную, как на поздравительной открытке «Холлмарка», улыбку, открываю глаза и вхожу в онлайн.

— Ребята, привет. Всех с «черной пятницей»! Я так ждала снег, а его так и не было!

Смотрю в угол экрана и поворачиваю камеру к больничному окну — там, по другую сторону стекла, небо в серых тучах и совершенно голые деревья. Счетчик показывает, что вживую меня смотрят более тысячи человек, небольшая часть от общей аудитории в 23940 подписчиков, которые интересуются ходом моего сражения с кистозным фиброзом.

— Вот так вот. Могла бы сейчас собираться в поездку — наш класс летит в Кабо, но вместо этого проведу каникулы в моем выездном доме. Спасибо ангине.

И сильной лихорадке вдобавок. Вспоминаю, как температура утром подскочила к опасной отметке — 39 градусам. Только вот сообщать обо всем тем, кто меня смотрит, не хочу, потому что позднее это увидят мои родители.

Пока что они считают, что у меня всего лишь легкая простуда.

— И кому, спрашивается, нужны две недели солнца, голубого неба и песчаного пляжа, если в вашем распоряжении целый роскошный месяц на заднем дворе? Не верите? Давайте посмотрим вместе. — Я начинаю перечислять прелести больничного отдыха, загибая пальцы. — Личный круглосуточный консьерж, шоколадный пудинг — сколько угодно, есть не хочу, да еще прачечная. И — да! — Барб таки уговорила доктора Хамид разрешить мне держать все медикаменты в моей комнате. Убедитесь сами!

Я поворачиваю камеру к куче медицинского оборудования, а потом к медицинской тележке, в которой все уже разложено в алфавитном и хронологическом порядке в соответствии со схемой применения, которую я закачала в разработанное мной приложение. Пора наконец провести тестовое испытание!

Именно это и значилось в моем плане под номером 14, и надо сказать, все прошло наилучшим образом.

Компьютер начинает позванивать, отмечая поступающие комментарии. В одном замечаю имя Барб, сопровождающееся сердечками-эмоджи. У зрителей она безусловный фаворит. Как и у меня. Так было всегда, начиная с первого раза, когда я попала в больницу десять лет назад. Барб работает здесь респираторным терапевтом, и это она, когда нам совсем плохо, подсовывает конфетку мне и другим больным, например моему товарищу по несчастью По. Это она держит меня за руку, когда боль ломает кости. Примерно с середины своего больничного стажа я записываю видео для Ютьюба, чтобы люди знали, что представляет собой кистозный фиброз. За несколько лет численность следящих за ходом моего оперативного и терапевтического лечения и моими посещениями больницы Сейнт-Грейсиз увеличилась в несколько раз, и эти люди вместе со мной проходят все, порой не самые приятные стадии лечения.

— Моя легочная функция снизилась сейчас до тридцати процентов. — Я поворачиваю камеру к себе. — Доктор Хамид говорит, что моя очередь на получение трансплантата постепенно продвигается, так что следующий месяц я проведу здесь, принимая антибиотики и строго соблюдая предписанный режим.

Мой взгляд уходит к рисунку у меня за спиной, здоровым легким.

Я качаю головой и улыбаюсь, потом наклоняюсь к медицинской тележке и беру из нее пузырек с лекарствами.

— А строго соблюдать режим — это вовремя принимать лекарства, носить пневмовибрационный жилет «Аффловест» для отведения мокроты и... — я поднимаю бутылочку, — каждую ночь принимать вот это жидкое питание через гастростомическую трубку. Если есть желающие получать ежедневно пять тысяч калорий и иметь при этом тело, которое не стыдно показать на пляже Кабо, я готова поменяться местами.

Сообщения сыплются одно за другим, и компьютер подает сигнал не переставая. Прочитав несколько первых, я уже чувствую, как прилив позитива смывает все негативные мысли.

Держись, Стелла!
Выходи за меня замуж!

— Новые легкие могут прибыть в любой момент, так что надо быть наготове! — Я произношу эти слова так, как будто верю в них всем сердцем, хотя по прошествии стольких лет уже научилась не давать волю воображению.

Динь! Еще одно сообщение.

У меня тоже кистозный фиброз, и ты помогаешь мне не поддаваться отчаянию. ХОХО.

На сердце теплеет, и я улыбаюсь в камеру тому, кто, как и я, сражается с болезнью. На этот раз абсолютно искренне.

— Ладно, ребята! Спасибо, что смотрите! Надо еще разок проверить, все ли на месте, и подготовиться к процедурам. Вы же знаете, какая я дотошная. Надеюсь, неделя у всех выдалась классная. Пока!

Заканчиваю прямой эфир и медленно выдыхаю. Закрываю браузер и вижу на экране перед собой улыбающиеся лица. Я, Камила и Миа, взявшись за руки, демонстрируем одну и ту же темно-красную помаду, которую вместе выбрали в «Сефоре». Камила хотела ярко-розовую, но Миа убедила, что по жизни нам всем НЕОБХОДИМ красный. До сих пор не уверена, что мы сделали правильный выбор.

Откинувшись на подушку, подтягиваю и крепко обнимаю потертую панду. Лоскуток, как назвала ее Эбби. Вполне подходящее имя для выдавшей виды игрушки. Медвежонок всегда сопровождает меня в больницу, и это не могло не сказаться на его внешнем виде. Бедняга весь в заплатках, а когда я при самых болезненных процедурах стискиваю его слишком сильно, из дырок лезет наполнитель.

Стук в дверь, и она тут же распаивается, а в комнату врывается Барб с охапкой стаканчиков с пудингом, который я принимаю вместе с лекарствами.

— Вот и я! Служба доставки!

За последние шесть месяцев — да что там, за все десять лет, если уж на то пошло, — она ничуть не изменилась и осталась лучшей. Те же короткие кудряшки. Те же яркие халаты. Та же улыбка, освещающая всю комнату.

Следом за ней вливается сильно беременная Джули с капельницей в руках. И вот здесь за шесть месяцев перемена огромная.

Стараясь не выказать удивления, улыбаюсь Барб, а она тем временем ставит стаканчики на край кровати и, достав список, проверяет, есть ли в моей медицинской тележке все необходимое.

— Что бы я без тебя делала? — говорю я.

Барб подмигивает:

— Умерла бы.

Джули подвешивает рядом со мной флакон с антибиотиками, и ее живот касается моей руки. Почему она не сказала, что беременна? Замираю и с натянутой улыбкой осторожненько отодвигаюсь.

— Вот это перемена!

Джули с улыбкой поглаживает живот, ее голубые глаза вспыхивают.

— Хочешь потрогать? Она так брыкается!

— Нет, — торопливо отвечаю я. Джули смотрит на меня немного растерянно и удивленно, ее светлые брови ползут вверх, а мне становится не по себе. Не хочу, чтобы моя болячка приближалась к этому здоровенькому, идеальному во всех отношениях ребенку.

К счастью, ее внимание привлекает заставка на экране моего компьютера.

— Фотки с зимнего бала? Видела в Инстаграме! Как прошло? — спрашивает она.

— Здорово! Супер! — говорю я со всем энтузиазмом, на какой только способна. Недавняя неловкость проходит. Открываю на рабочем столе папку с фотографиями. — Протанцевала целых три песни подряд. Прокатилась на лимузине. Поела вкусенького. Плюс к тому продержалась до половины одиннадцатого и только тогда стала уставать, а это намного лучше, чем ожидалось. Кому нужен комендантский час, когда тело само все решает, правильно?

Я показываю им фотографии, сделанные в доме Миа еще до танцев, а Джули тем временем подсоединяет капельницу и проверяет кровяное давление и уровень кислорода. Помнится, раньше я боялась иголок, но с каждой пробой крови, с каждой капельницей страх понемногу уходил. Теперь даже не моргаю. После каждого укола сил как будто прибавляется. Иногда кажется, что я могу преодолеть все на свете.

— Готово, — говорит Барб. Они уже сняли мои жизненные показатели и успели поохать и поахать над моим серебристым сверкающим приталенным платьем и бутоньеркой на руку из белых роз. Мы втроем — Камила, Миа и я — решили поменяться бутоньерками, когда пошли на бал без кавалеров. Идти с кем-то я не хотела, хотя, если честно, никто меня и не приглашал. Слишком велика была вероятность, что мне придется остаться дома или станет плохо посередине танца, а это было бы несправедливо по отношению к тому, с кем я могла бы пойти. Камила и Миа не хотели, чтобы я чувствовала себя лишней, поэтому решили, что мы пойдем все вместе. Теперь, имея в виду развитие ситуации с Мейсоном, на такой вариант рассчитывать не приходится.

Барб, подбоченясь, кивком указывает на медицинскую тележку:

— Я буду тебя контролировать, но ты вполне в состоянии справиться сама. — Она поднимает пузырек с таблетками. — Не забудь, одну штуку при приеме пищи. И убедись, что у тебя...

— Я поняла.

Барб в своем обычном стиле, проявляет материнскую заботу, но сейчас просто поднимает руки — мол, сдаюсь. В глубине души она прекрасно знает, что со мной ничего не случится и все будет хорошо.

Они идут к выходу, я машу им вслед и, пользуясь пультом дистанционного управления, немного поднимаю кровать.

— Кстати, — медленно говорит Барб, пропуская в коридор Джули. — Хочу, чтобы ты сначала закончила капельницу, но в 310-ю только что въехал По.

— Что? Правда? — От удивления я даже приподнимаюсь, чтобы тут же вскочить с кровати и побежать к нему. Невероятно, даже не намекнул, что будет здесь!

Барб быстро возвращается, кладет руки мне на плечи и заставляет лечь.

— Я же сказала, что хочу, чтобы ты сначала закончила капельницу. Что из этого ты не поняла?

Смущенно улыбаюсь. С другой стороны, как она может меня винить? По — первый, с кем я подружилась, когда попала в больницу. И он единственный, кто по-настоящему меня понимает. Целых десять лет мы вместе сражаемся с кистозным фиброзом. То есть вместе, но с безопасного расстояния. Нам нельзя приближаться друг к другу. Для больных фиброзом перекрестная инфекция определенных бактериальных штаммов представляет огромный риск. Всего только одно прикосновение способно буквально убить нас обоих.

Сдвинутые серьезно брови возвращаются на место.

— Полегче. Расслабься. Прими успокоительное. — Она улыбается и шутливо смотрит в тележку. — Не пойми меня буквально.

Я киваю и, не удержавшись, смеюсь, чувствуя, как внутри все омывает свежая волна облегчения. Ура, По тоже здесь!

— Загляну попозже, помогу с жилетом, — выходя из комнаты, бросает через плечо Барб. Я тут же хватаю телефон и, вместо того чтобы мчаться по коридору в 310-ю, набираю короткое сообщение.

Ты здесь? Я тоже. Включай.

Не проходит и секунды, как экран светится полученным ответом.

Бронхит. Только что. Жить буду. Приходи потом, помашешь ручкой. Поваляюсь.

Откидываюсь на подушку, долго и медленно выдыхаю.

Честно говоря, мне немножко не по себе.

Так быстро моя легочная функция упала до тридцати пяти процентов. И вот теперь, больше даже, чем температура и ангина, меня бесит необходимость провести здесь целый месяц, принимая лекарства и проходя процедуры, тогда как мои подруги будут где-то далеко. Тридцать пять процентов — это показатель, при котором моя мама не спит по ночам. Она, конечно, не осознает, но ее компьютер это подтверждает. Непрерывные поиски легочных трансплантатов, информации по предполагаемой продолжительности жизни, новых комбинаций препаратов — при этом главная цель одна и та же. Как добыть для меня больше времени. Когда у вас кистозный фиброз, вы вроде как привыкаете к мысли о том, что умрете молодым. Сейчас это пугает меня сильнее, чем прежде. Но боюсь я не за себя. Мне страшно за родителей. Если случится самое плохое, что будет с ними? Тем более теперь, когда они лишились друг друга.

Но По здесь, а значит, я смогу продержаться. Ведь он все понимает. Только бы мне разрешили поскорее с ним увидеться.

После полудня время идет медленно.

Вожусь с приложением, хочу убедиться, что программная ошибка, выскакивающая каждый раз, когда я пытаюсь его запустить, устранена. Смазываю фуцидином кожу вокруг гастроскопической трубки — сейчас она красная, как пожарный гидрант, а должна быть розовой, цвета летнего заката. Проверяю и

перепроверяю пузырьки и таблетки, предназначенные для приема перед сном. Отвечаю на ежечасные сообщения от родителей. Смотрю в окно. День постепенно клонится к вечеру. Вижу пару примерно моего возраста. Смеюсь и целуюсь, они идут в направлении больницы. Такое видишь не каждый день — чтобы счастливая парочка направлялась в наше заведение. Наблюдая за тем, как они держатся за руки и обмениваются страстными взглядами, спрашиваю себя: каково это, когда на тебя так смотрят? Люди всегда замечают в первую очередь мою канюлю, мои шрамы, трубку, но не меня. А заметив, не спешат выстроиться в очередь к моему шкафчику.

Однажды, в девятом классе, я «встречалась» с Тайлером Полом, но длилось это всего лишь месяц, пока я не слегла с инфекцией и не попала на несколько недель в больницу. Уже через несколько дней промежутки между его сообщениями стали увеличиваться, и я решила общение прекратить. К тому же между нами не было и десятой доли нежности, что у пары во дворе. Когда мы держались за руки, у Тайлера постоянно потели ладони, а еще он так обильно опрыскивал себя дезодорантом «Акс», что каждый раз, когда мы обнимались, у меня начинался приступ кашля.

В общем, отвлечься этот мыслительный процесс помогает не очень, так что я даже пробую взяться за пункт 22 — *«поразмышлять о жизни после смерти»* из моего списка обязательных дел и открываю *«Жизнь, смерть и бессмертие: путешествие души»*.

Но проходит немного времени, и я откладываю книгу и просто лежу, уставившись в потолок и прислушиваясь к своему тяжелому, с хрипом, дыханию, к свисту воздуха, пробивающегося сквозь слизь к легким. Перевернувшись, открываю бутылочку с фловентом — легким требуется помощь. Наливаю жидкость в небулайзер возле кровати, и устройство с гудением просыпается и выдает порцию пара.

Сижу, смотрю на рисунок с легкими и дышу: вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Вдох... выдох...

Надеюсь, что, когда меня через несколько дней навещают родители, с дыханием будет чуточку легче. Маме я сказала, что в больницу утром меня отвез папа, а папе — что отвезла мама, но на самом деле я просто вызвала «убер» и села в такси на углу улицы, где живет теперь мама. Не хочу, чтобы они видели меня здесь, по крайней мере до тех пор, пока мне не станет легче. Мама и без того бросала озабоченные взгляды, когда мне всего лишь понадобилось проверить портативный концентратор кислорода.

В дверь стучат, и я отрываю взгляд от стены. Может быть, По заглянет? Вынимаю мундштук, и в этот момент дверь приоткрывается, и в комнату просовывает голову Барб. Снимает хирургическую маску и латексные перчатки и бросает их на столик рядом с моей дверью.

— Новенький наверху. Встретимся минут через пятнадцать?

Сердце подпрыгивает от волнения.

Я киваю, она улыбается и исчезает. Снова беру мундштук, стараюсь как можно быстрее наполнить легкие паром. Потом выключаю небулайзер, снимаю с зарядного устройства переносной кислородный концентратор, включаю его и вешаю на плечо. Вставив канюлю, направляюсь к двери, натягиваю голубые латексные перчатки и надеваю маску.

Нырнув в «конверсы», я открываю дверь и выскальзываю в коридор. Решаю пойти долгим маршрутом, чтобы пройти мимо палаты По.

Минуя сестринский пост на середине этажа, приветственно машу младшей медсестре, молоденькой Саре, которая улыбается мне в ответ из-за нового металлического стола.

Старый заменили накануне моего прошлого поступления шесть месяцев назад. Новый такой же высоты, что и прежний, но тот был деревянный и, возможно, занимал свое место со времени основания больницы шестьдесят с чем-то лет назад.

Помню, когда я была маленькая и старалась прошмыгнуть мимо поста по пути к По, моя голова даже не высывалась из-за стола.

Теперь я могла бы положить на него локоть.

Иду дальше по коридору и замечаю маленький флажок цветов Колумбии, припиленный к приоткрытой двери, закрыться которой не дает скейтборд.

Заглядываю в палату. По спит на кровати, свернувшись в удивительно маленький комочек под клетчатым одеялом. Над головой у него постер с изображением Гордона Рамзи, как будто охраняющего спящего.

Прежде чем двинуться дальше, рисую маркером сердечко на доске, которая висит на наружной стороне двери, — пусть знает, что я была здесь.

За двойной деревянной дверью, если подняться на лифте, главная часть больницы. Спустившись, можно попасть в крыло С; пройдя по мостику — в корпус 2, а если идти прямо, то окажешься в отделении интенсивной неонатальной терапии.

За десять лет я столько раз попадала в больницу, что знаю ее расположение не хуже, чем знаю дом, в котором выросла. Пересекающиеся коридоры, скрытые лестницы, тайные переходы — все исследовано не раз и не два.

Но прежде чем я успеваю открыть двойную дверь, справа от меня распахивается другая. Повернув в удивлении голову, я вижу профиль высокого, худощавого парня, которого никогда не видела прежде. Он стоит на пороге палаты 315 с блокнотом в одной руке и угольным карандашом в другой, а на запястье у него такой же, как и у меня, белый больничный браслет.

Я останавливаюсь как вкопанная.

Волосы у него цвета темного шоколада и взъерошены так, словно он только что выпрыгнул из журнала «Тин вог» и оказался здесь, в одной из палат больницы Сейнт-Грейсиз. Глаза голубые, и когда он говорит, в уголках появляются морщинки. Но мое внимание в первую очередь привлекает его улыбка — лукавая, очаровательная и теплая.

Он такой симпатичный, что моя легочная функция падает еще процентов на десять.

Хорошо еще, что нижнюю половину лица закрывает маска, потому что встречи с красавчиками на этом этаже больницы у меня не запланированы.

— Я проверил их график, — говорит он и небрежно сует карандаш за ухо. Я отступаю влево и вижу, что он разговаривает с парочкой, за которой я наблюдала несколько минут назад из окна своей палаты. — То есть если не плюхнешься задницей на кнопку вызова, тебя никто не побеспокоит по крайней мере целый час. И не забывай, чувак, мне еще спать на этой кровати.

— Раньше тебя подумали. — Девушка расстегивает спортивную сумку и показывает лежащие в ней одеяла.

Подожди-ка. Что?

Красавчик с непокорной шевелюрой тихонько свистит:

— Вы только посмотрите. Настоящая герлскаут.

— Мы же не звери, старик, — говорит ее бойфренд, ухмыляясь.

О, боже. Вот жуть! Он собирается разрешить друзьям заняться этим в палате, словно это номер в мотеле.

Маска скрывает мою гримасу отвращения, и я иду по коридору, спеша отойти как можно дальше от того, что здесь затевается. Скорее прочь.

Вот вам и красавчик.

ГЛАВА 2

УИЛЛ

— Ладно, ребята, еще увидимся. — Я подмигиваю Джейсону и закрываю дверь — пусть побудут наедине. На двери рисунок — череп, и его пустые глазницы смотрят на меня в упор. На черепе надета кислородная маска, а под ней подпись «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Сгодится для девиза этой лечебницы. Впрочем, подойдет и любой из тех пятидесяти больниц, в которых я побывал за последние восемь месяцев.

Пробегаю взглядом по коридору и вижу, как закрывается дверь за девушкой, которую я уже видел входившей в палату раньше. Ее потертые белые «конверсы» скрылись в дверном проеме. Она была одна и тащила спортивную сумку, достаточно большую и для трех взрослых, но все равно выглядела очень привлекательной.

И давайте начистоту. Не каждый день видишь в больнице симпатичную девчонку, которая к тому же занимает палату едва ли не по соседству с тобой.

Оторвавшись от блокнота, я пожимаю плечами, скатываю его в трубочку, сую в задний карман и направляюсь по коридору за незнакомкой. Дело вовсе не в том, что у меня нет занятия получше, и я точно не собираюсь задерживаться здесь еще на час.

Толкаю распашные двери и вижу, как она проходит по выстеленному серой керамической плиткой полу, перекидываясь словечком, кивая или махая рукой едва ли не каждому встречному, как будто у нее здесь собственный персональный парад по случаю Дня благодарения.

Незнакомка входит в стеклянный лифт с видом на восточный вестибюль, где стоит большая, празднично украшенная рождественская ель. Должно быть ее поставили сегодня утром, еще до того, как все успели доесть остатки ужина по случаю Дня благодарения.

Хорошо, что наконец-то убрали громадное изображение индейки.

Продолжая наблюдать, вижу, как незнакомка поднимает руки, поправляет маску и, наклонившись, нажимает кнопку. Дверцы медленно закрываются.

Поднимаюсь по лестнице рядом с лифтом, одновременно следя за тем, чтобы не столкнуться с кем-нибудь и не упустить из виду кабину, которая уверенно ползет к пятому этажу.

Конечно. Бегу по ступенькам так быстро, как только позволяют легкие, и ухитряюсь не только пережить серьезный приступ кашля, но и оправиться от него еще до того, как девушка в маске выходит из лифта и исчезает за углом. Растираю грудь, прокашливаюсь, прохожу за ней пару коротких коридорчиков и следую по широкому, застекленному переходу, ведущему к соседнему корпусу.

Хотя незнакомка и попала сюда сегодня утром, она определенно прекрасно здесь ориентируется. Если же принять во внимание скорость ее передвижения и тот факт, что ей знаком едва ли не каждый в этом здании, я бы не удивился, обнаружив, что она некто вроде мэра этого мирка. Я провел здесь две недели и только лишь вчера вычислил, как можно безопасно улизнуть из палаты в кафетерий в корпусе 2, а с ориентацией у меня все в порядке. За несколько лет я

побывал во многих больницах, и в каждой мне так или иначе приходилось осваиваться. В каком-то смысле это стало моим хобби.

Девушка останавливается перед двойной дверью, табличка над которой гласит: ВОСТОЧНЫЙ ВХОД. ОТДЕЛЕНИЕ НЕОНАТАЛЬНОЙ ИНТЕНСИВНОЙ ТЕРАПИИ, заглядывает внутрь и лишь затем толкает дверь.

Странно.

Иметь детей, когда у тебя кистозный фиброз, ситуация супертрудная. Мне приходилось слышать о том, как девушки с кистозным фиброзом переживают из-за этого, но смотреть на детишек, которых у тебя, может быть, никогда не будет, это совершенно иной уровень.

Жуткая депрессуха.

Кистозный фиброз — такая болезнь, в которой меня раздражает многое, но не это. Практически все парни с этой болезнью бесплодны, а это означает, что от меня никто не забеременеет, и по крайней мере в этом отношении беспокоиться не о чем, и ломать комедию, изображая счастливое семейство, мне не придется.

Держу пари, Джейсон хотел бы оказаться сейчас в моей шкуре.

Посматривая по сторонам, приближаюсь к двери и заглядываю в узкое окошечко. Моя незнакомка стоит перед смотровой панелью и наблюдает за крохотным малышом в кювезе. Его ручки и ножки соединены проводами с какими-то огромными в сравнении с ним приборами.

Толкаю дверь, проскальзываю в полутемный коридор и секунду-другую с улыбкой наблюдаю за девушкой. Ничего не могу с собой поделать — смотрю на ее отражение в стекле, и все, что за стеклом, расплывается. Вблизи она симпатичнее — длинные ресницы, густые брови. И даже маска ее не портит. Не сводя глаз с ребенка, незнакомка поднимает руку и убирает упавшие на лицо волнистые песочного оттенка каштановые волосы.

Осторожно откашливаясь, привлекаю ее внимание.

— Думал, что попал в очередную богадельню с убогими калеками. И тут вдруг ты. Везет же мне.

Наши взгляды встречаются в стекле, и в ее глазах мелькает удивление, а потом почти сразу — что-то похожее на неприязнь. Не удостоив меня ответом, она отворачивается и смотрит на ребенка.

Ну что ж, это всегда благоприятный знак. Ненапускное отвращение — лучшего для начала и быть не может.

— Видел, как ты в свою палату входила. Будешь здесь еще какое-то время?

Не отвечает. Молчит. Если бы не та гримаса, я бы подумал, что она меня даже не слышит.

— А, понимаю. Я так хорош собой, что ты не в состоянии двух слов связать и...

— Может, тебе стоит позаботиться о местах для твоих гостей? — раздраженно бросает она и, повернувшись ко мне, сердито срывает маску.

Застигнутый врасплох ее прямоотой, я вначале теряюсь, а потом смеюсь.

И тут она заводится по-настоящему:

— Сдаешь палату на почасовой основе или как? — Ее темные глаза сужаются до щелочек.

— Ха! Так это ты скрывалась в коридоре.

— Я не скрывалась, — выпаливает в ответ она. — Это ты следил за мной.

Верно подмечено. И все-таки первой начала она. Я делаю вид, что сражен наповал, и демонстративно поднимаю руки.

— С намерением представиться. Но при таком отношении...

— Дай-ка угадаю, — перебивает незнакомка. — Ты считаешь себя бунтарем. Ты игнорируешь правила, чтобы доказать самому себе, что у тебя все под контролем. Разве не так?

— Ты права, — признаю я и небрежно прислоняюсь к стене.

— По-твоему, это мило?

Я ухмыляюсь:

— Думаю, да, судя по тому, что в коридоре ты подсматривала за мной довольно долго.

Она закатывает глаза, явно не находя в моих словах ничего забавного.

— В том, что ты сдаешь палату своим друзьям, чтобы они там занимались сексом, ничего милого нет.

Вот еще девочка-паинька нашлась.

— Сексом? Да нет же, нет. Они мне сказали, что проведут заседание клуба любителей чтения. Может быть, немного бурное. Но часа им вполне хватит.

Смотрит на меня сердито. Похоже, мой сарказм ей не по вкусу.

— А, так вот в чем дело, — говорю я и складываю руки на груди. — Ты имеешь что-то против секса.

— Конечно, нет! У меня был секс! — Слова слетают у нее с языка, и глаза заметно расширяются. — Это нормально и...

Ну не смешно ли! Такой возмутительной лжи я не слышал за целый год, а ведь меня окружают люди, которые старательно отрицают тот факт, что я умираю.

— Вообще-то «нормально» звучит не слишком убедительно. Я так понимаю, у нас много общего.

Ее густые брови неодобрительно сдвигаются к переносице.

— У нас с тобой ничего общего нет.

Я подмигиваю. Злить ее, выводить из себя — истинное удовольствие.

— Остынь. Мне это нравится.

Дверь со стуком распаивается, и в коридор врывается Барб. От неожиданности мы оба вздрагиваем.

— Уилл Ньюман! Ты что здесь делаешь? Или позабыл, что после той твоей выходки на прошлой неделе тебе запретили уходить с третьего этажа?

Смотрю на незнакомку:

— Ну вот. Имя и фамилия к психологическому профилю. А тебя как зовут?

Она обжигает меня сердитым взглядом и быстро, пока не заметила Барб, натягивает маску на нос.

— Обойдешься.

Хорошо. Что-то в этой паиньке все-таки есть. Какой-то огонек.

— Ясно, наверно, у учителей в любимицах ходишь.

— Полтора метра! Никаких исключений. Всегда и везде. Вы оба прекрасно знаете правила.

Я вижу, что действительно подошел слишком близко, и отступаю, а между нами, не замечая звенящего напряжения, становится Барб.

— И что, по-твоему, ты здесь делаешь? — Она поворачивается и смотрит на меня в упор.

— Э... — Я показываю на смотровое окно. — Смотрю на детей?

Моего легкомысленного настроения она определенно не разделяет.

— Вернись в свою палату. И... где твоя маска? — Поднимаю руку, трогаю лицо — маски действительно нет. — Спасибо, Стелла, что хотя бы ты про свою не забыла.

— Как же, вспомнила пять секунд назад, — ворчу я, и Стелла испепеляет меня взглядом за спиной у Барб. Дарю ей широкую улыбку.

Стелла.

Ее зовут Стелла.

Вижу, Барб готова всыпать мне по первое число, и решаю уйти сам. Хватит с меня на сегодня лекций. Наслушался.

— Полегче, Стелла. Не шуми, — говорю я, легкой походкой направляясь к двери. — Это всего лишь жизнь, и она скоро закончится — не успеешь и глазом моргнуть.

Выхожу за дверь, иду по стеклянному переходу и дальше через крыло С. Длинный маршрут меня не устраивает, и я запрыгиваю в тряский, старый лифт, который обнаружил два дня назад. Он доставляет меня на мой этаж, прямиком к сестринскому посту. За стойкой Джули читает какие-то бумажки.

— Привет. — Я наклоняюсь над стойкой и беру карандаш.

Она поднимает голову, бросает на меня быстрый взгляд и возвращается к бумагам у себя в руках:

— Ты где это был?

— Бродил по больнице. Дразнил Барб. — Я пожимаю плечами и верчу в пальцах карандаш. — Она такая крутая.

— Уилл, никакая она не крутая, а просто...

Я смотрю на нее:

— Крутая.

Джули кладет руку на свой необъятный живот.

— Твердая. Правила — дело важное. Особенно для Барб. В этом она послаблений не дает.

Дверь в конце коридора снова распахивается, впуская на этот раз Барб и саму девочку-паиньку.

Барб смотрит на меня со строгим прищуром, и я с невинным видом пожимаю плечами:

— Что? Просто разговариваю с Джули.

Медсестра фыркает, и они обе идут дальше по коридору, к палате Стеллы. Стелла поправляет маску, оглядывается, и наши глаза на мгновение встречаются. Я со вздохом смотрю ей вслед.

— Она меня невлюбила.

— Кто? — спрашивает Джули, следуя за моим взглядом.

Барб и Стелла исчезают в палате, и я снова поворачиваюсь к Джули.

Она смотрит на меня с тем выражением, которое я видел уже миллион раз с тех пор, как попал сюда. В ее голубых глазах словно застыл вопрос «*Ты с ума сошел?*». А еще там нечто похожее на заботу.

Но «*ты с ума сошел?*» все-таки перевешивает.

— Даже не думай об этом, Уилл.

Я смотрю на лежащий перед ней файл, и в глаза бросается имя в левом верхнем углу.

Стелла Грант.

— О'кей, — говорю я так, словно речь идет о какой-то ничего не значащей мелочи. — Пока.

Возвращаюсь в 315-ю. Кашель уже бьет, слизь забивает легкие и горло, грудь болит после прогулки. Знал бы, что пробегу половину марафонской дистанции по всей больнице, захватил бы с собой портативный концентратор кислорода.

Да кого я обманываю?

Прежде чем толкнуть дверь, проверяю по часам, прошел ли час. Щелкаю выключателем и замечаю на белоснежных больничных простынях сложенную записку от Хоуп и Джейсона.

Как романтично с их стороны.

Ребята ушли, и я стараюсь не расстраиваться. Восемь месяцев назад, когда у меня диагностировали *B. серасиа* [*B. серасиа* (*Burkholderia серасиа*) — патоген легочных инфекций у больных муковисцидозом, а также патоген ряда овощей. Может вызывать больничную и внебольничную пневмонию, инфекции мочевых путей, менингит, перитонит, ожоговую и послеоперационную раневую инфекцию, сепсис и эндокардит.], мама забрала меня из школы и перевела на домашнее обучение с уклоном на международный больничный туризм. Как будто продолжительность моей жизни не была уже и так отмерена смехотворно коротком сроком, теперь еще и *B. серасиа* отхватит от нее изрядный кусок, ухудшив и без того мою дерьмовую легочную функцию.

И когда устойчивая к антибиотикам бактерия начинает бушевать внутри организма, новых легких вам никто не даст.

Но для моей матери «неизлечимый» это всего лишь предположение, и она решительно настроена найти спасительное лечение, как ту самую иголку в стоге сена.

Даже если при этом понадобится отрезать меня от всех.

Хорошо хотя бы то, что Хоуп и Джейсону до больницы всего-то полчаса, и они могут навещать меня более-менее регулярно и держать в курсе дел. С тех пор как у меня завелась *B. серасиа*, они — единственные в моей жизни, для кого я не стал чем-то вроде лабораторной крысы. Они всегда были такими и, может быть, поэтому так идеально подходят друг другу.

Разворачиваю записку и вижу сердечко и аккуратный почерк Хоуп: *До скорого! Через две недели тебе — ого-го — 18! Хоуп и Джейсон.*

Я невольно улыбаюсь.

Ого-го 18! Еще две недели, и я — сам себе хозяин. Меня снимут с этого испытательного клинического курса, выпишут из больницы, и тогда я смогу что-то сделать со своей жизнью, вместо того чтобы позволять маме распоряжаться ею.

Больше никаких больниц. Никаких скитаний по лечебницам с одинаковыми побеленными стенами, в которых врачи испытывают одно за другим различные лекарства и методы. Только все понапрасну.

Если уж суждено умереть, то хотелось бы сначала пожить по-настоящему.

А потом и умереть.

Смотрю, прищурившись, на фотографию, думаю о том роковом последнем дне. Что-нибудь поэтичное. Может быть, на берегу. Или в лодке на Миссисипи. Только чтобы не было стен. Я бы мог набросать пейзаж, изобразить себя показывающим средний палец Вселенной, а потом кусающим большой. Думать о том последнем, роковом дне — не самое приятное занятие.

Бросаю записку на кровать. Пробегаю взглядом по простыне, быстренько встряхиваю ее на всякий случай. Крахмал и отбеливатель. Незменный больничный одеколон. Хорошо.

Сажусь в поскрипывающее кожей больничное кресло у окна, отдвигаю цветные карандаши и альбомы и вытаскиваю ноутбук из-под кучи ксерокопий политических карикатур 1940-х, которые просматривал утром. Открываю браузер и, не ожидая ничего особенного, печатаю в строке поиска Гугла: *Стелла Грант*. Она представляется мне одной из тех девчонок, которые держат свою страничку Фейсбука приватной. А может, у нее аккаунт в Твиттере с ретвитами мемов о том, как важно мыть руки. Однако первый результат, который мне выдал

поисковик, — это страничка в Ютубе под названием *«Не Такой Уж и Секретный Кистозно-Фиброзный Дневник Стеллы Грант»*. В дневнике по меньшей мере сотня видео, самые ранние из которых появились примерно шесть лет назад. Присматриваюсь повнимательнее, потому что название страницы выглядит странно знакомым. О, боже, так и есть. Это тот самый канал, ссылку на который несколько месяцев назад мама прислала с расчетом настроить меня на более серьезное отношение к лечению.

Может быть, если бы я знал, как выглядит эта девушка...

Перехожу к первой записи, включаю видео и вижу совсем еще юную Стеллу с целым ртом железок и высоким хвостиком. Сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Интересно, как ее зубы выглядят сейчас, учитывая, что улыбающейся я ее не видел.

Возможно, и ничего. Такие, как она, пожалуй, и спать ложатся с фиксатором, а не оставляют его собирать пыль на полочке в ванной. Мой, кажется, даже не добрался до дома после посещения стоматолога.

Включаю звук, и из динамиков доносится ее голос:

— Как и все, кто болен кистозным фиброзом, я родилась смертной. Наш организм производит слишком много слизи, которая старается попасть в легкие и вызвать заражение, снижающее легочную функцию. — Новые слова даются девочке с трудом, она сбивается, но потом все равно улыбается без всякого стеснения в камеру. — Прямо сейчас мои легкие выполняют свою функцию на пятьдесят процентов.

Она поворачивается на ступеньках, которые ведут к главному входу в здание больницы. Неудивительно, что ей так хорошо все вокруг знакомо, ведь она приходит сюда с незапамятных времен.

Я улыбаюсь девочке на экране. Она садится на ступеньки и переводит дух.

— Доктор Хамид говорит, что если так пойдет дальше, то к окончанию средней школы мне понадобится трансплантат. Это не исцеление, но он даст мне время. Я хотела бы получить еще несколько лет, если, конечно, мне повезет с трансплантатом.

Давай, Стелла, расскажи мне о себе.

По крайней мере у нее есть шанс.

ГЛАВА 3

СТЕЛЛА

Надеваю синий жилет «Аффловест»; подтянуть ремни, застегнуть пряжки помогает Барб. «Аффловест» ужасно напоминает спасательный жилет, если только не обращать внимание на портативный регулятор. Смотрю в окно и на мгновение представляю, что это и на самом деле спасательный жилет и что я в Кабо, в лодке вместе с Мией и Камиллой, а в небе сияет слепополуденное солнце.

Кричат пронзительно чайки, белеет вдалеке песчаный берег, на волнах покачиваются серферы, а я... ловлю себя на том, что думаю об Уилле. Моргаю — и Кабо тает за горизонтом, а за моим окном лишь голые ветки деревьев.

— Так что Уилл? У него кистозный фиброз? — спрашиваю я, хотя это очевидно.

Барб помогает застегнуть последний ремешок. Я подтягиваю жилет на плече, чтобы не тер мою костлявую ключицу.

— Кистозный фиброз и кое-что еще. В. серасiа. Он сейчас участвует в программе испытания нового лекарства, цевафломалина. — Она привстает, включает аппарат и выразительно на меня смотрит.

Невольно бросаю взгляд на ванночку с антибактериальным гелем для рук. И что, я была чуть ли не рядом с ним, а у него В. серасiа? Для больных кистозным фиброзом это практически смертный приговор. Ему сильно повезет, если протянет еще несколько лет. И то лишь при условии, что режим он будет соблюдать так же строго, как и я.

Жилет начинает вибрировать. Сильно. Чувствую, как в легких понемногу разжижается слизь.

— Подцепишь эту штуку и можешь попрощаться с шансом на новые легкие, — говорит Барб, не сводя с меня глаз. — Держись от него подальше.

Киваю. Именно так я и намерена делать. Мне ох как нужно то самое дополнительное время. К тому же Уилл не мой тип — слишком занят собой.

— Этот испытательный курс... — Я поднимаю руку, показывая, что беру паузу, и отхаркиваю комоч слизи. Барб одобрительно кивает и протягивает мне бледно-розовое судно. Сплюываю и вытираю рот. — Какие у него шансы?

Она вздыхает, качает головой и лишь потом поднимает глаза:

— Толком никто ничего не знает. Лекарство совсем новое.

Но ее взгляд говорит другое. Мы умолкаем, и в тишине слышно только, как вибрирует жилет.

— Ну ладно, с тобой разобрались. Надо что-нибудь еще, пока я не ушла?

Я улыбаюсь и смотрю на нее умоляюще:

— Молочный коктейль?

Барб закатывает глаза и упирается руками в бока:

— Я тебе что, обслуживание номеров?

— Пользуюсь льготами любимицы, — говорю я, и Барб смеется.

Она уходит, и я сажусь. Жилет продолжает работать, и меня всю трясет. Мысли идут вразброд, и вот уже в зеркале возникает отражение Уилла, стоящего за моей спиной с дерзкой усмешкой на лице.

В. серасiа. Это жесть.

Но разгуливать по больнице без маски? Неудивительно, что он подхватил эту гадость, выделявая такие номера.

Подобных Уиллу мне попадалось в больнице бесчисленное множество. Беспечные, легкомысленные люди, бунтари, бросающие вызов поставленному диагнозу, отвергающие его, пока не станет слишком поздно. Это даже неоригинально.

— Ну вот, — говорит Барб с важным видом, как будто она здесь королева, ставя передо мной не один, а целых два молочных коктейля. — Это поможет тебе продержаться какое-то время.

Она ставит коктейли на стол, и я улыбаюсь, глядя в ее такие знакомые карие глаза.

— Спасибо.

Барб кивает, легонько поглаживает меня по голове и направляется к выходу.

— Спокойной ночи, детка. До завтра.

Снова сажусь, смотрю в окно и отхаркиваю все больше и больше слизи, а «Аффловест» продолжает свою работу, прочищая мои дыхательные пути. Взгляд уходит к рисунку с легкими, а от него к другим, висящим рядом. Начинает болеть грудь. Жилет здесь ни при чем, просто мне вспомнилась моя настоящая кровать. Родители. Эбби. Беру телефон и вижу поступившее сообщение — от папы. На фото — его старая акустическая гитара. Стоит, прислонившись к тумбе в его новой квартире. Папа потратил целый день на обустройство, после того как я настояла, чтобы он занялся этим, а не вез меня в больницу. Он притворился, что

ему не нравится такое решение, а я притворилась, что договорилась с мамой, чтобы он не чувствовал себя виноватым.

Сколько же притворства после этого дурацкого, самого нелепого в мире развода.

Развелись они шесть месяцев назад и до сих пор не могут даже смотреть друг на друга.

Не знаю почему, но мне вдруг отчаянно захотелось услышать его голос. Прокручиваю список контактов и уже почти нажимаю зеленую кнопку вызова, но в последнюю секунду решаю этого не делать. Обычно я никогда не звоню в первый день, и папа разнервничается, если услышит мой кашель, с которым я ничего не могу поделать. Он и так проверяет меня каждый час своими сообщениями.

Чего я точно не хочу, так это беспокоить родителей. Не могу.

Лучше подождать до утра.

Просыпаюсь на следующее утро, открываю глаза и не могу понять, что же меня разбудило. Потом вижу на полу свалившийся со стола и настойчиво вибрирующий телефон. Вижу два пустых стаканчика из-под молочного коктейля и горку пустых стаканчиков из-под пудинга, занявшую почти все свободное место. Теперь понятно, почему телефон свалился со стола. Если мы состоим из воды на шестьдесят процентов, оставшиеся сорок состояли бы из пудинга.

Потянувшись к телефону, чувствую жжение в том месте, где у меня гастроскопическая трубка. Осторожно трогаю бок, подтягиваю рубашку, чтобы отсоединить трубку, и обнаруживаю, что кожа вокруг нее покраснела и воспалилась сильнее, чем накануне.

Это плохо. Обычно раздражение проходит после применения фуцидина, но у меня со вчерашнего дня никакого улучшения не произошло.

Цепляю пальцем капельку мази, втираю в кожу и делаю пометку в блокноте — *взять под наблюдение*. Лишь после всего этого прокручиваю поступившие сообщения. От Мии и Камилы рано утром пришло фото из самолета: обе сонные, но довольные. Эсэмэски от родителей: и мама, и папа спрашивают, как спала, устроилась ли, и просят позвонить, когда встану.

Я уже собираюсь ответить обоим, но телефон снова вибрирует. Сообщение от По:

Ты встала?

Быстро набираю ответ, спрашиваю, не хочет ли он, как обычно, встретиться за завтраком через двадцать минут, откладываю телефон в сторону, свешиваю ноги с кровати и тянусь за ноутбуком. И тут же новое сообщение, ответ от По: *Да!*

Губы разъезжаются в улыбке. Я нажимаю кнопку вызова дежурной сестры и слышу сквозь похрустывание в динамике дружелюбный голос Джули:

— Доброе утро, Стелла! У тебя все хорошо?

— Да. Можно завтрак? — спрашиваю я и включаю ноутбук.

— Уже!

Время на компьютере — 9.00. Я придвигаю медкарту, рассматриваю цветные столбики диаграмм. Улыбаюсь про себя — завтра к этому времени после установки и проверки бета-версии приложения уведомления будут поступать прямо на телефон — с указаниями времени приема и назначенной дозы каждого лекарства.

Почти год упорной работы, и вот все наконец сходится. Приложение для всех хронических заболеваний, дополненное медицинскими таблицами, графиками и информацией по дозировке.

Принимаю таблетки и открываю скайп. Просматриваю список контактов — есть ли кто-то в Сети из родителей. Рядом с именем папы горит зеленый кружочек. Кликаю по кнопке вызова и жду, слушая трескучий звонок.

На экране появляется лицо с усталыми глазами. Папа надевает очки в толстой оправе, и я замечаю, что он еще в пижаме, волосы всклокочены и торчат во все стороны, а за спиной у него смятая комковатая подушка. Папа всегда рано вставал и даже по выходным не задерживался в постели дольше полвосьмого.

Внутри у меня тугим узлом стягивается беспокойство.

— Тебе надо побриться, — говорю я, замечая непривычную щетину на подбородке. Папа всегда чисто выбрит, и единственным исключением был короткий, в течение одной зимы, опыт отращивания бороды, когда я еще училась в начальной школе.

Он хмыкает и трет колючую щеку:

— А тебе нужны новые легкие. Последнее слово за мной!

Я закатываю глаза, а папа смеется над собственной шуткой.

— Как прошел концерт?

Он пожимает плечами:

— Ну, так.

— Я рада, что ты снова выступаешь! — бодрым тоном говорю я, изо всех сил стараясь излучать позитив.

— Как твоя ангина? — Папа с тревогой смотрит на меня. — Лучше?

Я киваю:

— В миллион раз лучше!

Тревога в его глазах рассеивается, и я, прежде чем он успевает спросить о чем-то еще, связанном с лечением, торопливо меняю тему:

— Как твоя новая квартира?

Он широко — даже с перебором — улыбается:

— Отличная квартира! И кровать есть, и ванная! — Улыбка слегка меркнет, и папа пожимает плечами. — А больше почти ничего. У твоей мамы наверняка симпатичнее. Она всегда умела сделать так, что любое место воспринималось как дом.

— Может быть, если ты просто позвонишь ей...

Он не дает мне закончить и качает головой:

— Проехали. Seriously, милая, все хорошо. Квартира отличная, и у меня есть ты и гитара! Что еще надо?

Внутри у меня все сжимается, но тут в дверь стучат, и в комнату входит Джули с темно-зеленым подносом и кучей всякой еды.

Папа видит ее и сразу оживает:

— Джули! Как дела?

Джули ставит на стол поднос и демонстрирует ему свой живот. Для человека, пять лет подряд твердившего, что детей у нее никогда не будет, она выглядит на удивление довольной.

— Понятно, забот хватает, — заключает с улыбкой папа.

— Поговорим потом, пап. — Я передвигаю курсор к кнопке окончания разговора. — Люблю тебя.

Он салютует мне и отключается. С подноса поднимается запах яичницы с беконом. Рядом с тарелкой возвышается большой стакан с молочным коктейлем.

— Что-нибудь еще, Стел? Посидеть с тобой?

Бросаю взгляд на ее живот и качаю головой, с удивлением ловя себя на непонятно откуда взявшемся неприязненным чувстве к заботливой медсестре. Я люблю Джули, но не испытываю ни малейшего желания вести с ней разговоры о ее новой семье, когда моя разваливается на части.

— По будет сейчас на связи.

И тут же ноутбук начинает звонить, на экране появляется фотография По и зеленый символ телефона. Джули поглаживает живот и сдержанно и смущенно улыбается мне:

— Ладно. Развлекайтесь тут вдвоем.

Я кликаю по кнопке приема и наблюдаю за медленно разворачивающимся лицом По — густые черные брови нависают над теплыми карими глазами. После нашей последней встречи он успел постричься, так что волосы теперь короче. И чище. Приветствует меня широкой, от уха до уха, улыбкой. Я пытаюсь ответить тем же, но все заканчивается чем-то больше похожим на гримасу.

Ничего не могу с собой поделывать — перед глазами стоит папино лицо. Какой он грустный, какой одинокий... Эта мягкая подушка, эти глубокие, наполненные усталостью морщины...

И я не могу даже его проведать.

— Эй, *tati!* Выглядишь изможденной. — Он ставит на поднос стакан с молочным коктейлем и смотрит, прищурившись, на меня. — Снова объелась шоколадным пудингом?

Знаю, здесь мне надо бы рассмеяться, но всю квоту притворства на сегодня я уже исчерпала, а ведь на часах нет еще и половины десятого.

По хмурится:

— Ох-хо-хо. В чем дело? Это из-за Кабо? Ты же знаешь, с загаром играть не стоит.

Я отмахиваюсь и вместо ответа поднимаю поднос — продемонстрировать свой завтрак лесоруба. Яичница, бекон, картофель и молочный коктейль! Обычное дело для наших утренних свиданий.

По смотрит на меня с вызовом, словно давая понять, что смена темы даром мне не пройдет, но не может устоять перед соблазном и поднимает свой поднос, на котором все то же самое... вот только яичница изысканно украшена шнитт-луком, петрушкой и... Стоп! Да это же трюфели!

— По! Откуда, черт возьми, у тебя трюфели?

По с ухмылкой вскидывает брови:

— Их приносят с собой, *mija!* — Он поворачивает камеру и показывает медицинскую тележку, великолепно превращенную в полочку для специй. Вместо пузырьков с таблетками — баночки и всякие особые поварские штучки, расположенные под святилищем его любимого скейтбордиста, Пола Родригеса, и сборной Колумбии по футболу в полном составе. Классический По. Еда, скейтбординг и футбол — три его любимые темы.

Футбол у него столько, что в них можно одеть всех больных на нашем этаже — вот получилась бы команда доходяг.

Камера возвращается в прежнее положение, и я вижу за спиной у По грудь Гордона Рамзи.

— Но сначала — наши закуски! — Он поднимает руку с пригоршней таблеток «креон», которые помогают организму переваривать съеденную пищу.

— Самое лучшее блюдо! — добавляю я и пересыпаю на ладонь красно-белые таблетки из стоящей рядом с подносом пластиковой чашечки.

— Итак, — говорит По, проглотив последнюю пилюлю, — поскольку о себе ты говорить не желаешь, давай поговорим обо мне. Я — одинок! Готов к...

— Ты порвал с Майклом? — раздраженно спрашиваю я. — По!

По прикладывается к молочному коктейлю.

— Может, это он порвал со мной.

— Да?

— Да! Ну, решение было взаимное. — Он вздыхает и качает головой. — Так или иначе, я с ним порвал.

Хмм. Они же так подходили друг другу. Майклу нравился скейтбординг, он вел суперпопулярный кулинарный блог, верным подписчиком которого По был три года до их знакомства. И Майкл сильно отличался от тех, с кем По встречался прежде. Он был как будто старше, хотя ему только что исполнилось восемнадцать. Что еще важнее, с ним и По становился другим.

— Но он ведь тебе нравился. Я думала, что, может быть, Майкл и есть тот самый, единственный.

Но, конечно, мне следовало бы предвидеть что-то в этом духе. По мог написать книгу о верности и преданности, но это не остановило бы его на пути к другому великому роману. До Майкла у него был Тим, а через неделю, возможно, будет Дэвид. И, сказать по правде, я даже ему немного завидую.

Я никогда еще не влюблялась. Тайлер Пол, разумеется, не в счет. Но даже и будь у меня такой шанс, встречаться — это риск, который я не могу себе позволить. Мне нужно сосредоточиться на главном. Жить. Получить трансплантат. Облегчить жизнь родителям. Такая цель — полновесная работа. И ничего сексуального в ней нет.

— Получается, что нет. — По говорит это так, словно ничего особенного не случилось. — Да к черту его, верно?

— По крайней мере у тебя был опыт. — Я пожимаю плечами и разделяваю яичницу. Вспоминаю самодовольную ухмылку Уилла в ответ на мое заявление, что у меня уже был секс. Придурок.

По смеется, давится молочным коктейлем и начинает задыхаться. Мониторы, следящие за его жизненными показателями на другой стороне ноутбука, оживают и тревожно пикают, а он пытается вздохнуть.

Господи. Нет-нет-нет. Я вскакиваю.

— По!

Отталкиваю компьютер и выбегаю в коридор ровно в тот момент, когда на сестринском посту звучит тревожный сигнал. Страх разливается по телу, наполняя каждую клеточку.